

ОДИН ИЗ

«НОМЕНКЛАТУРНОЙ
ОБОЙМЫ»

3 А. МАЙКОПСКОГО областного драматического театра имени А. С. Пушкина почти полон: идет премьера «Барабанщицы», поставленной главным режиссером Р. Романовским. Звучит музыка, раздвигается занавес. Перед нами — полуразрушенный дом, где живет Нила Спичко. Но вдруг в зале возникает шумок, часть зрителей раздражается восторженными аплодисментами: на сцене плывут малиново-барбарисовые облака...

А дальше происходит то, что вспоминается как смесь правды и фальши, реализма и эклектики. Нила — молодая актриса Л. Иванова — то трогательно и обаятельно, то вдруг фальшиво эмоциональна. Поет она плохо и смеется неестественно, но временами с неожиданной тоской и силой начинает звучать ее голос. И в такие моменты становится больно и обидно за способную актрису, оставленную режиссером на полпути.

Впрочем, не за нее одну. Несмотря на ряд удачных актерских работ (Федор — В. Андрейко, его мать — А. Курасова, Тузикова — Н. Схакумидова), спектакль оставляет впечатление некоего «полуфабриката». Персонажи его существуют сами по себе, связаны с другими только в силу сюжетной необходимости, но никак не объединены общим замыслом постановщика. При такой инертности режиссерской мысли в «Барабанщице» было все же нечто, свидетельствующее о безусловном наличии режиссерской «работы». В этом убеждали и кинодивертименты, и радиовставки, и, конечно же, малиновые облака, нередко превращавшиеся в грозные тучи...

Можно было бы еще немало рассказать об этом спектакле, поставленном в манере, рассчитанной на интенсивное «выжимание» из зрителя смеха и слез. Можно было бы остановиться на примитивизме, которым страдает оформление, на множестве фактов, подтверждающих беспомощность постановщика. Но эта статья — не рецензия, и задача ее — не разбор данного спектакля.

Итак, эстетическое впечатление, полученное в Майкопском театре, трудно отнести к разряду положительных. Но, может быть, это один малоудачный спектакль, не делающий погоды? Я видела несколько впечатлений — не менялось. Может быть, мои субъективные суждения не отражают истинного положения? Сошлюсь на высказывания в печати коллег-журналистов.

Минувшим летом театр гастролировал в Ставрополе. Красная газета «Ставропольская правда» поместила статью, подводившую итоги гастролей.

«У нас много претензий к репертуару театра, в котором отсутствуют большие полотна нашей драматургии, отсутствует образ нашего современника... Надеемся, что следующая встреча с коллективом театра порадует зрителей репертуаром более обобщенного современного звучания...».

Три спектакля о современности — «Жизнь и преступление Антона Шелестова», «Рассудите нас, люди!» и «Свадебное путешествие» (все три пьесы поставлены Р. Романовским) страдали одним недостатком: в них не было «тех образов и характеров, которые бы научили нашу молодежь «с кого делать жизнь». Автор статьи утверждал, что в спектакле «Рассудите нас, люди!» «неточность режиссерского замысла привела к неточности в воплощении отдельных образов... Конфликт пьесы свелся к частному случаю», а в спектаклях «Жизнь и преступление Антона Шелестова» и «Свадебное путешествие» отмечались картины, «поражающие безвкусицей, слезливым сентиментализмом и превращающие драматургию в пошленькое зрелище, где начисто отсутствуют правда характеров и жизненность ситуаций».

В адрес актеров было сказано много добрых слов, газета пыталась отыскать положительное и в режиссерской работе, но результат

был самый неожиданный: Романовский обиделся на критику, написал автору оскорбительное письмо, обвиняя его во всех смертных грехах и даже в «зависти к успехам другого театра»...

А время шло. И вот уже другая краевая газета — «Советская Кубань» опубликовала статью о Майкопском театре, с грустью констатирующую, что «театр, способный решать большие творческие задачи, к сожалению, на этот раз показал себя не с лучшей стороны». И снова уже другой автор пишет, в сущности, о том же — об объединении социальной сути драматургических произведений, о режиссерских просчетах и слабостях.

Творческое состояние театра, руководимого Романовским, весьма и весьма тревожно. Об этом прямо и резко говорили актеры на выездном заседании правления Краснодарского отделения ВТО. С холодным визитом вел себя главный режиссер. Он тосковал по «интеллектуальным, мыслящим» актерам и горько сетовал на то, что артисты «обленились», он жаловался на их слабую технику, он проливал слезы по поводу слабости молодой режиссуры, его удручало отсутствие профессиональной критики... Он обвинял всех и вся, только не себя самого. Себя он считал не причастным к тому, что жители города неохотно посещают театр, и труппа нередко бывает вынуждена выезжать с параллельными спектаклями в какой-нибудь клуб, чтобы «заработать». Он совсем не считал себя виновным в том, что театр не выполняет плана, и иногда театру приходится занимать деньги в других организациях, чтобы выплатить артистам зарплату.

Нет, не он виноват и в том, что труппа не укомплектована и репертуар строится в расчете на одних и тех же актеров. Нет, Романовский не считает себя виноватым. А выступления актеров на том же заседании кажутся ему, должно быть, злобными наветами.

Е. Гридьян: Наши спектакли еще очень слабы. Но чем помогли вы, товарищ Романовский? Где наша режиссерская мысль, инициатива?

П. Василенко: Мы заслужили критику. Но я возмущен выступлением главного режиссера. Как он может дальше работать, если не верит коллективу?

А. Гарин: Да, артисты нашего театра мало работают самостоятельно. А когда работать? С 11 до 3 репетиции. В 5-6 часов выезд. Возвращаемся обычно в 2 часа ночи...

В. Раков: Кто думает о творческом использовании актеров? Никто! Одни перегружены, другие выходят на сцену раз в месяц...

И еще о многом говорили актеры. О том, например, что производственные совещания в театре — явление исключительное, что спектакли не обсуждаются коллективом, что актеры, занятые в одной постановке, зачастую не имеют возможности посмотреть работу коллег. Может показаться неправдоподобным, но, поручая молодому режиссеру постановку сложной пьесы, главный приходит с «профессорским» визитом лишь на последний прогон, делает одно-два незначительных замечания, а потом во всеуслышание скорбит о слабости молодой режиссуры.

Парадоксально и непонятно не только это. Почему, скажем, из трехсот спектаклей, сыгранных за минувший год национальной группой театра, только пятьдесят шли на адыгейском языке, а остальные — на русском? Почему жизнь и творчество национальной группы окутаны мистическими сложностями — сложно работать на родном языке, сложно ездить в адыгейские аулы, сложно формировать труппу...

Конечно, все это не так просто, и на все неполадки найдутся свои объяснения. Но кто-то все же должен подумать, как выйти из создавшегося положения. В частности, давно назрела необходимость преобразо-

вать адыгейскую группу (которую, кстати, и возглавляет-то другой режиссер) в музыкально-драматический театр. Это подсказывается самой природой адыгейского национального искусства.

Мне думается, этим должно заняться Министерство культуры РСФСР.

Два года назад, когда Романовский «переходил» в Майкопский театр, в ответ на запрос областного управления культуры была получена телеграмма, гласившая: «Перевод Романовского Майкоп не возражаем». Нет, официально министерство не назначало Романовского, оно лишь «не возражало». И хотя личное дело режиссера хранится в Управлении театров, хотя за последние 15 лет он сменил около десяти коллективов и его творческая биография украшена приказами такого характера: освободить от работы «за необеспечение творческого роста театра» или «как не обеспечивающего творческое руководство», Романовскому тем не менее доверили новый коллектив.

Может быть, Р. Романовский переводится из театра в театр все в той же почетной и ответственной должности главного режиссера? Этого, что он высокообразован и деловит, а отсутствие яркой одаренности компенсируется личной скромностью и другими чисто человеческими качествами?

Отнюдь нет! Общеизвестно, что у Романовского среднее образование, что, кроме знаний и таланта, ему не хватает и таких элементарных качеств, как умение уважать других, ценить труд коллектива. Общеизвестен его неуживчивый характер и нетерпимое отношение к критике, его презрение к людям, стоящим ниже на служебной лестнице...

Секретарь парторганизации театра заслуженная артистка РСФСР Н. Схакумидова признается:

— Если он не уйдет, мы все здесь станем инвалидами... Невозможно работать с таким человеком!

Так в чем же дело? Неужели номенклатура и почетное звание заслуженного деятеля искусства Удмуртской автономной республики так магически влияют на воображение сотрудников министерства, что, не ровен час, будет в новой телеграмме в адрес какого-нибудь управления культуры: «Против перевода Романовского не возражаем»?

В таком случае министерству все же неплохо было бы учесть, что возражать станут другие — артисты, которым с Романовским работать, зрители, которым смотреть его спектакли. — все, кому дорого наше искусство.

Случай с Р. Романовским, к сожалению, не исключение. В начале сезона в одном из крупных театров Северного Кавказа из-за творческой беспомощности был освобожден от работы главный режиссер. Не прошло и двух недель, как он, с благословения министерства, возглавил другой театр в соседнем городе.

До каких же пор руководители театров будут подбираться по принципу: «в одном коллективе не справился — попробуем в другом»? Ведь все отлично знают, что, кочуя из города в город, эти режиссеры оставляют после себя театры в таком положении, что все приходится начинать сызнова. Настоящие же виновники страдают меньше всех. Романовский и ему подобные спокойны за свое будущее: попал в «номенклатурную обойму» — пост главного обеспечен. Еще бы, ведь режиссером-то не хватает!

А между тем во многих театрах есть способные, по-настоящему творческие работники, режиссеры и даже актеры, которые отлично могли бы руководить коллективом. Но они «вне обоймы». Выход из этого положения прост (было бы только желание его найти!). Он — в подробном ознакомлении министерства со своими кадрами.

М. САФНКО